

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

A painting of a young girl with brown hair, wearing a white short-sleeved blouse and a red apron, sitting on a wooden bench. She is holding a pigeon in her arms. To her left, another pigeon sits on a wooden tray. In the foreground, two more pigeons are on the ground, pecking at the floor. The background shows a simple room with a window and a wall.

Детство Золотое

Детство золотое

«Издательство «Зерна»»

УДК 281.9
ББК 84

Детство золотое / «Издательство «Зерна»,

ISBN 978-5-905793-49-3

В альманах «Детство золотое» вошли произведения детских писателей дореволюционной России. Рассказы и повести, повествующие о силе добра, любви, веры, способствуют духовному воспитанию подростков.

УДК 281.9

ББК 84

ISBN 978-5-905793-49-3

© «Издательство «Зерна»

Содержание

К. Лукашевич	7
П. Мироносицкий	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Коллектив авторов

Детство золотое

Памяти Владислава Рылькова посвящается

© Издательство «Зёрна-Слово», 2011

* * *



К. Лукашевич Птичница Агафья



Вечерело. Солнце скрывалось за большим лесом, кидая прощальные лучи на все окрестные предметы. В воздухе стало прохладно; так легко дышалось после дневного жара, так было тихо и привольно. Хорошо в деревне в эту летнюю пору! После тяжёлого трудового дня все идут на покой, идут отдохнуть.

По дорожке, которая жёлтой узкой полосой тянулась к роскошной господской усадьбе, шла старая бабушка Агафья. Она была очень стара: согнулась её спина, плохо слышали уши, едва видели глаза. Одеята была старушка крайне бедно: в ветхом, домашней пряжи сарафане, в ситцевой ватной кацавейке и с пёстрым платком на голове.

Старая Агафья шла тихо и важно, точно командир перед своим полком. А за ней тянулось целое стадо уток. Они шли, переваливаясь с ноги на ногу, кричали, останавливались; но лишь старуха повернётся, погрозит длинной хворостиной, – опять водворяется порядок в этом шествии. На руках старуха держала двух маленьких утят; они зашибли себе где-то ножки и не могли поспевать за остальным стадом.

– Ну, что же вы, мои косолапенькие! Ужели не нагулялись за день-то? Время и на покой! Ступайте, ступайте... – повторяла бабушка Агафья, загоня уток в их жилище. А тем ещё неохота расставаться с привольем; так и разбегаются по просторному зелёному двору, пощипывают густую травку и ловят мух.

– Да, что это вы сегодня, насмех мне, что ли! Или думаете, что мне только и дела, что вас по всему двору собирать? Шиш... ш... вы, косолапые. Ишь гулёны какие! – Старуха притворилась, что сердится, и усердно махала хворостиной, а её послушная команда испуганно скрывалась в своё помещение. Бабушка Агафья закрыла за ними дверцу, а сама опять поплелась по двору, направляясь к видневшейся вдали церкви: там, за церковной оградой, внизу под горою, сверкало чистое, прозрачное большое озеро.

У озера старая Агафья стала сзывать гусей; они поспешно сбегались на её зов.

Шествуя теперь по жёлтой дорожке со своей новой командой, старуха шла за гусями. Гуси – птица злая, кого ни завидят, так и бросаются, подбегают, кричат, изгибают шеи, так и норовят клюнуть за ногу. Если с ними старая птичница, никто не бойся, не тронут; погрозит она им хворостиной, крикнет, и птицы слушаются – боятся.

Дорогой бабушка Агафья подбирала на руки тех гусенят, которые были послабее, а когда подходила к птичьему двору, то из её передника выглядывали три беленьких головки; она их ласково гладила и что-то им шептала.

Чинно и послушно прошли гуси по двору в своё жилище на покой.

– И знает же птица бабу Агафью. Просто удивленье! Ведь понимают её речи. Так за ней и ходят все, – смеялся молодой парень, спуская с плеч вёдра, полные воды.

– Ещё бы, – вторила ему чернобровая женщина, – она ведь с малых лет около птицы ходит. А ей, поди, годов поболее ста.

– Должно быть, она колдовство какое знает: ни у кого такая птица не водится, как у Агафьи!

– Полно тебе балагурить-то. Любит она их, вот что! И ходит около них с лаской да с приветом. Так, малец, всякое дело на лад пойдёт. Верно тебе говорю. Она хорошая, тихая, добрая старуха.



– Бабушка, а баба! – крикнул парень проходившей мимо старухе. – Я говорю, что птица тебя слушается, крепко тебя любит. Говорю вот, Марьюшка, что ни у кого такой пригожей птицы не водится, как у нашей старушки.

Парень прокричал это так громко, что каждое слово явственно доносилось до слуха Агафьи.

– Верно, Стёпушка, верно, родимый, – отозвалась обрадованная старуха, кротко поглядывая на говорившего, и, подойдя к нему ближе, похлопала его по плечу.

– Любят они меня. Взгляну – понимают, только сказать не умеют. Да ведь и я их быстро жалею.

– Устала ты, бабушка, ступай отдохни, – сказала чернобровая молодуха.

– И то, правда. Умаялась. Годы-то мои у-у-у-какие! Поживите-ка с моё! – и старуха прошла в свою избу.

Давно это было... Старуха Агафья была ещё тогда маленькой, бедовой девочкой, которую все звали Ганька-сорвиголова.

Мать Ганьки была крепостной богатой барыни-помещицы и всю свою жизнь ходила за птицами.

Целыми днями на птичьем дворе, между курами, индюками, павлинами, гусями и утками, мелькал красный сарафан Ганьки.

Знала девочка каждого самого маленького цыплёнка, умела передразнить голосом всякой птицы, знала каждый уголок на птичьем дворе. Мило и дорого ей было это царство! Она сама росла тут, весело распевая, как вольная пташка.



Когда Ганьке исполнилось десять лет, то барыня-помещица велела ей уже как следует приучаться ходить за птицей и во всём помогать матери. Новая маленькая птичница и без того хорошо знала это дело, но, получив приказ «барыни-графини», как говорила она, сразу стала меньше шалить, стала серьёзнее.

Время шло. Ганька подрастала, помогая матери, и с каждым годом всё более и более привязывалась к птицам.

Когда она выросла, стали все её звать Агашей да Агафьюшкой. Мать её умерла, и она осталась главной птичницей в богатом имении. Что за удивительный птичий двор был в нём: ровное поле, нарочно усеянное свежей зелёной травой, широкое и длинное, кругом обнесено было затейливым каменным забором; по краям двора тянулись постройки: зимние и летние помещения для птиц и жилища для людей.

У каждой отдельной породы птиц были свои особые помещения, свои дворы.

Много помощниц было у Агаши, но за всем старательно наблюдал её заботливый глаз.



Важная графиня-помещица с седыми локонами, с чёрной кружевной наколкой на голове часто приходила на птичий двор, приводила с собой гостей, а за нею прибегали двое внучат: девочка лет семи, весёлая, румяная, миленькая, с голубыми глазами и золотистыми кудрями, и мальчик-кадет, который приезжал в деревню только летом.

– Покажи, покажи, Агафьюшка, твоё царство, – тихо и медленно говорила хозяйка, поднося к глазам лорнетку.

– Пожалуйте, ваше сиятельство, пожалуйте, – приветом встречала птичница свою гостью и, шумя ключами, бегала от одного помещения к другому, всё открывала настежь и скликала птиц. Куры, гуси, утки, индюшки, павлины сбегались со всех сторон!

– Ах, какая роскошь! Какой восторг! Какие удивительные у вас птицы! – восхищались гости и, осторожно ступая, заглядывали внутрь помещения. – Какая везде чистота! Какой порядок! Да у вас образцовый птичий двор.

– Всё она... Всё Агаша моя... – шёпотом сообщала барыня. – Такая трудолюбивая, кроткая, любит животных. Я просто удивляюсь, как ей на всё времени хватает.

– Это – цесарки, те – кохинхинки, а вон те, дальше – брамапутра, – сообщала маленькая девочка гостям, указывая на куриц.

– Графинюшка тут всё знает, всё сами расскажут, каждую птицу по имени назовут, – замечала Агафья, с любовью посматривая на прелестное личико белокурой девочки. Та улы-

балась в ответ задорно и весело и грозила пальцем птичнице: видно было, что они давно большие друзья.

– Я ведь очень, очень люблю птиц. Мы с Агашей почти их всех тут вместе выводили... Вот она, моя любимица!.. – и девочка стрелой понеслась к белой, как снег, курице, выходявшей из палисадника со своей семьёй.

– Не знаю, что мне с ней делать? Разве в птичницы отдать. Первое удовольствие моей Фофочки – это птичий двор, – шутила старая графиня.

– Маленькая графинюшка сами, как ранняя пташка. Чуть утро, они уже тут... И ведь всё-то им надо знать. Всё их забавляет: и покормят птиц, и воды попить дадут.

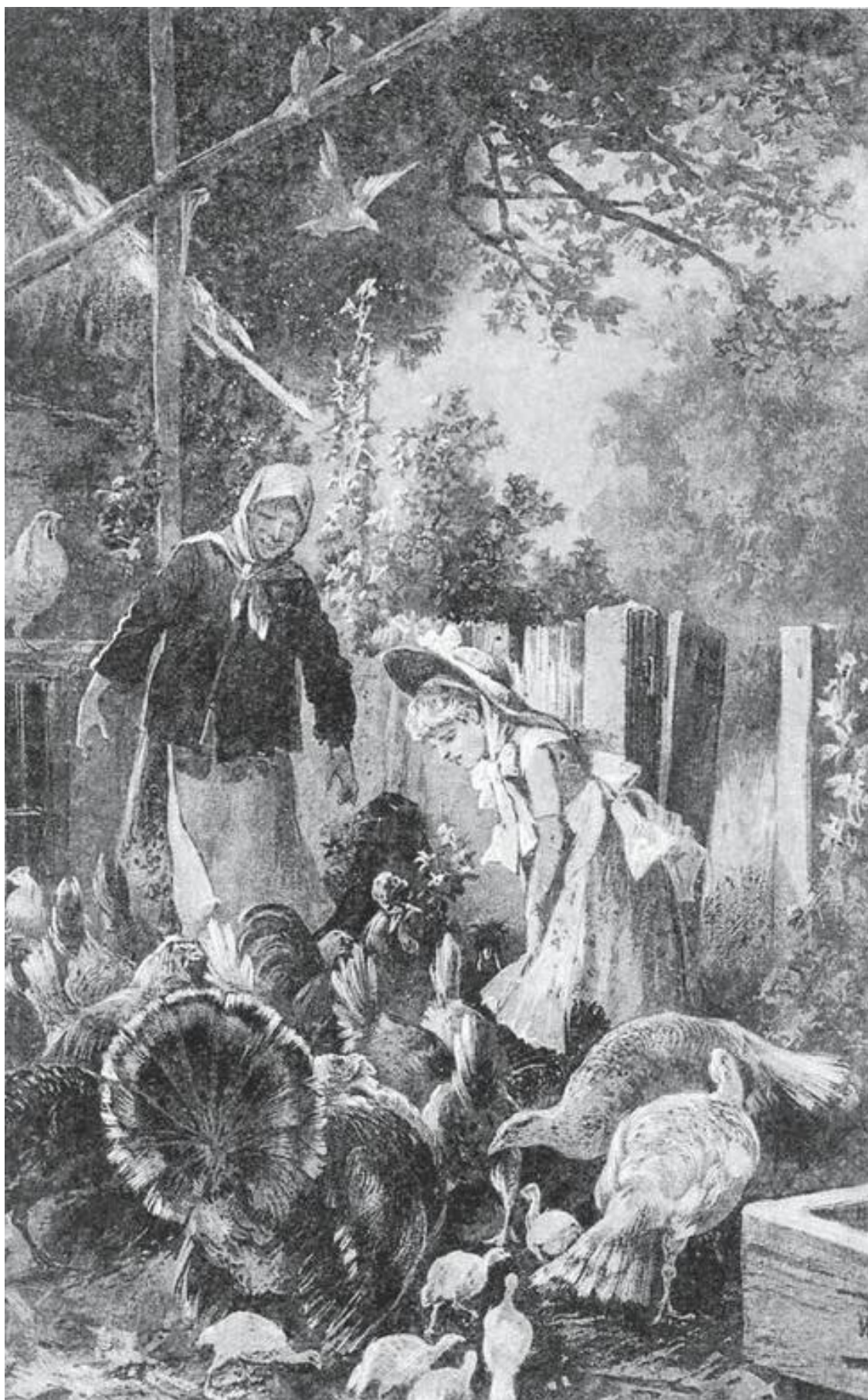
– Вы посмотрите, бабушка, что это за курочка? Другой такой в мире нет. Снежинка! Душка! Прелесть моя!.. – восторгалась девочка, делая ручки горделивой курице, которая степенно проходила мимо гостей с такими же белыми, как сама, цыплятами.

Действительно, «маленькая графиня», как называла девочку Агафья, или «Фофочка», как звала её бабушка (девочку звали Соней), много времени проводила на дворе.

Придёт весна... Наступит время сажать птиц на яйца. Вот когда много забот и волнений для Агаши. Во всех тёплых помещениях, в корзинках с сеном, иногда под решётками сидели наседки и выводили птенцов.

Редкий выводок появлялся на свет без ласкового присутствия Фофочки.

– Душки! Прелесть! Милые! – встречала девочка появление на свет птенчиков, когда они, проламывая клювом яичную скорлупу, выходили на свет Божий, такие маленькие и слабые.



Из каждого выводка Фофочка выбирала себе одного цыплёнка, давала ему имя и называла «своим».

Во время выбора она бывала в большой нерешимости и в простоте сердечной думала, что те, которых она не выберет, обидятся; долго в раздумье смотрит девочка на цыплят и непременно укажет на самого слабенького и некрасивого. Таких она больше жалела.

Агаша хорошо знала сердце своей молодой хозяйки и догадывалась.

– Вот этот будет ваш, графинюшка.

– Почему ты отгадала, Агаша? Ну, скажи: почему? Ведь верно, его-то я и хочу сделать... своим.

Птичница только улыбается.

– Да у него вон лапка кривая, он хромым.

– Бедный! Как мне жаль его! Он никому не будет нравиться. Тех-то красивых все будут любить. Да, этот будет моим, – решительно заявляла девочка и с тех пор чаще кормила и баловала «своего» цыплёнка.

Сама хозяйка – старая графиня, все гости любовались птицами, но не знали они, скольких забот, ухода, труда стоили они Агаше.

Встанет она с первым рассветом... и до вечера не присядет, о каждой самой маленькой пичужке вспомнит и позаботится, а было их на том птичьем дворе не одна сотня.

Кормит их птичница вовремя, сытно, поит чистой водой, свежей водой, разнимает птичьи ссоры; с ног собьётся, обходя помещения и следя, как убирают её помощницы: птицы любят большую чистоту. А если заболит которая из птиц, так ведь Агафья, как за человеком ухаживает, жалеет больную, ласкает, по ночам к ней встаёт.

Год за годом прошло много лет. Старое старится – молодое растёт. Состарилась Агаша и стала для всех «бабушкой Агафьей».

На много вёрст кругом прошла слава про старую птичницу. Весь свой долгий век прожила она, ухаживая за птицами, и знала много секретов, знала, как надо сажать птицу на яйца, чтобы много хороших цыплят вышло, знала, чем надо лечить птиц.

Поэтому за советом, с просьбой ли какой, за лекарством для птиц из всех соседних поместий и дальних деревень шли к бабушке Агафье.

Пришлось пережить старухе и тяжёлое время, очень тяжёлое... Богатое имение, где она жила всю свою жизнь, было продано другим господам. Уехала важная графиня-помещица со своими детьми и внучатами. Белокурая Фофочка с горькими слезами рассталась со своими любимцами, с птичницей Агашей. В то время она была уже взрослой девушкой. Вероятно, в новой жизни она забыла прежних своих любимцев.

Но старая птичница Агафья, у которой в деревне мало было радостей, никогда не забывала свою ласковую графинюшку.

При продаже имения старая графиня об одном только особенно просила нового хозяина: старухе-птичнице не отказывать.

– Сделайте это доброе дело! Старуха не переживёт, если её отставить от птиц. Она отличная старуха, да и вам спокойнее: лучше её никто не ходит за птицами, ведь она любит их, – говорила старая графиня.

Новый хозяин согласился.

Другие порядки пошли теперь в богатом имении. Помещик, купивший его, туда больше и не заглядывал, а за всем смотрел управляющий Семён Петрович.

Пришла весна холодная и дождливая. Посадила бабушка Агафья птиц на яйца. А сама сердится и ворчит целыми днями.

– Да наколешь ли ты мне дровец? Ах, народец какой! Ведь птице-то холодно! Надо им избу истопить! – кричит она работнику.

– Некогда, бабушка, некогда!..
Поплетётся старуха к управляющему.



– Семён Петрович, дровец мне надо: птице холодно, да в курятниках пол бы новый сделать, сыро там очень. Пожалуй, нынче и цыплят у нас не будет.

– Ах, старуха, не до тебя... Дела по горло. Ужо сделаем всё. Повремени! – И никто ничего не делал. Не знала Агафья, кого ей просить о своих птенцах: хозяева были далеко, да и писать она не умела.

Вылупились цыплята у кур, у индюшек, у двух пав. Рада старуха. Милы её сердцу эти пискливые шарики. Всю жизнь, такую долгую, она жила для них.



Вот и теперь, что сделала из своей каморки? Всех туда отогреваться поочерёдно с матками носит, рублеными яйцами, творогом, хлебом кормит.

– Семён Петрович, надо бы творожку побольше, особливо пыркам (молодые индюшата). Пырки – птица нежная. Овса не любят. Надо бы творожку. Цыплята пропадать станут.

– Помилуй, старуха, да ты нас разоришь! Давно ли тебе мешок овса да ведро творогу дали? Этак не напасёшься на твоих птиц!

– Я вашего творогу, батюшка, и в рот не беру. А птицы много, корм им надо хороший...

– Отстань, отстань, старуха! Не до тебя.

Разгневанная, со слезами уходила бабушка Агафья в свою каморку. Навстречу ей под ноги бросались птенчики.

– Что же мне делать с вами? Ах, вы мои горемычные! Ах, желанные!

Старуха разваривала им овёс, но птички неохотно клевали его.

А весна продолжала стоять холодная и дождливая. Плохой корм да холода сказывались: цыплята стали пропадать один за другим.

Немного уже осталось индюшат: худые, несчастные, с вылезшими перьями. Едва покажется Агафья, так и бросаются к ней, около ног увиваются, жалобно пищат, всякий поймёт, что голодны, – есть просят.



Рассердилась совсем бабушка Агафья, пошла к управляющему и ещё издали ему кричит:
– Сердца в тебе нет, что ли, сударь? Птица с голоду околевает, а у вас толку не добьёшься, корму не выпросишь.

– Ведь я велел тебе, старуха овса дать.

– Не едят пырентяки овса.

Управляющий даже не взглянул на неё, сел на беговые дрожки и уехал.

– Изныло моё сердце... Просто не смотреть бы на всё... Брошу всё и уйду, – разговаривала сама с собой бабушка Агафья и плелась в свою каморку. Индюшата опять к ней под ноги, так и пищат.

Посмотрела она на них, постояла, подумала... Жаль голодных. Махнула рукой и полезла под печку, там в углу достала узелок, развернула: всё это у неё приготовлено к смерти: рубашка новая, платок на голову, коленкору пять аршин на саван и три рубля деньгами на похороны.

Старые люди в деревнях всегда так поступают.

Вот они – три рубля: один бумажный, два серебром, лежат в коробочке; деньги на прощанье дала графиня, а коробочку давно подарила маленькая графинюшка. Прибежала она тогда на птичий двор, тряхнула белокурыми кудрями и, подавая коробочку, сказала: «Возьми Агафья, себе для булавок. Смотри, тут курочки нарисованы, а это ты их кормишь».

Смотрит бабушка Агафья на коробочку. А слёзы одна за другой так и капают из старческих глаз.

– Хорошее, давно прошедшее время...

А голодные индюшата тут около неё выются, жалобно пищат.

Достала старуха из дорогой коробочки денег, всё снова завязала в узелок. Спрятала, оделась потеплее и скоро, насколько позволяли её старые ноги, пошла в ближайшую деревню. Там она купила творогу, овсяной крупы и пошла обратно.

То-то были рады птенчики вкусной, здоровой пище, набросились с жадностью, друг друга отгоняли, только и слышно было, как стучали их клювы по полу.

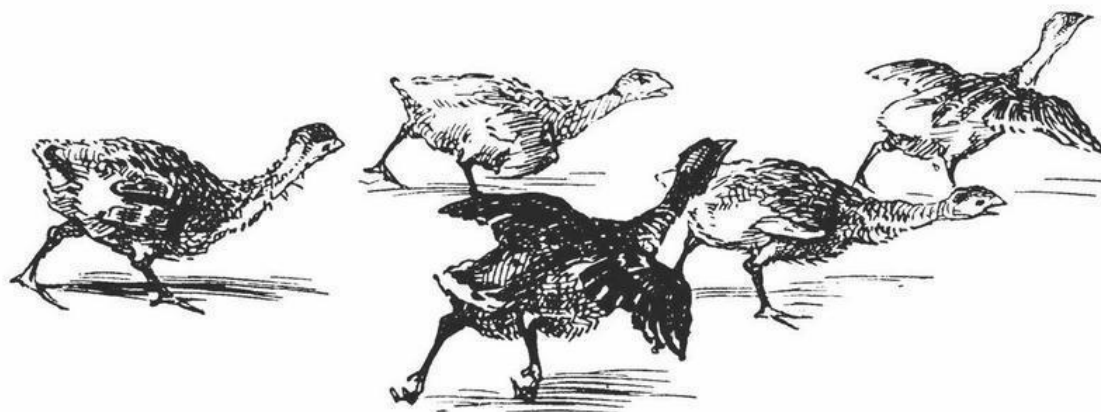
Почти две недели прикармливала старуха своих милых птенцов на трудовые деньги.

Скоро наступила погода потеплее; те из птиц, что выжили, уже разгуливали по двору, щипали свежую траву, ловили мух: сами себе находили еду.

Как вырастила их Агафья, никто не знал: она отогревала их у своей груди. Часто ночи не спала, отдала последние гроши.

Птица выростала красивая здоровая.

– Что смотришь? Небось, благодаришь? – разговаривала старуха с молодой индюшкой, когда та подбегала к ней горделивой поступью.



– Помнишь, небось, как с голоду пищала? Скажи бабке Агафье спасибо. Пожалела вас глупых... Ишь, теперь какая красивенькая! Много я из-за вас горя видела. Ну, да теперь ничего! Выходила вас, моих цыпущек, вырастила! – и бабушка Агафья улыбалась, счастливая и довольная.

Случилось то осенью... Управляющий велел позвать к себе старую Агафью. Пришла она в господскую горницу, видит: Семён Петрович письмо в руках держит.

– Ну, старуха, вот от господ наших письмо получил, недовольны очень, что у тебя нынче птицы мало. Приказывают тебя отставить и другую птичницу нанять.

– Отставить!! От птиц отставить!! – прошептала старуха, пошатнулась, ухватилась за дверь и невольно присела на близ стоявший стул.

– Воля ваша, сударь! – сказала она приподнимаясь. – Господь всё видит и всё знает! – И она, пошатываясь, побрела домой; всё кружилось перед её глазами. За что же такое горе, такая незаслуженная обида?

Люди не всегда добры, не всегда справедливы.

Бабушка Агафья вошла в свою каморку, присела к маленькому окну, припала головой на подоконник и залилась горькими, неудержимыми слезами.

В избе бабушки Агафьи поселилась новая птичница Марья, а старухе дали помещение далеко от господского дома в полуразвалившейся бане. Носили туда ей и дров, и хлеба.

Марья ухаживала за птицами только потому, что ей платили за это деньги, но ей решительно всё равно было, едят ли птицы здоровую пищу или плохую, хворают они или нет.



В душе грубой женщины не было ни любви, ни сострадания к животным, точно она не понимала, что все живые существа чувствуют так же, как она, и боль и голод. Случилось два раза, что она в дверях защемила лапки цыплятам, те запищали, а она отпихнула их и прошла. Даже не обернулась. Разве так поступила бы старая Агафья?

Да, люди на свете не все одинаковы.

В первое время, как отставили от птиц бабушку Агафью, она часто захаживала на птичий двор. Бедная старуха бродила между строениями как потерянная. На что теперь её одинокая жизнь?

Когда на дворе или на улице ей попадались птицы, она украдкой брала их на руки, ласкала, целовала. Давала хлеба.

Новая птичница раз это увидела и закричала:

– Не смей дотрагиваться до птиц! Ещё обкормишь чем-нибудь, – захворают.

– Бога ты не боишься, Марья! Неужто я что вредное сделаю им, моим голубчикам?

Старуха перестала ходить на птичий двор. Лучше подальше от этих злых, несправедливых людей.

По большей части она лежала в бане на печурке, совсем сторбилась, поседела, похудела и молча переносила своё горе.

А весна снова стояла дождливая и холодная. Птиц у Марьи вывелось куда меньше прежнего. Цыплят у индюшек и у пав совсем не было.

Бабушка Агафья ничего не знала о том, что делалось на птичьем дворе.

Изредка приходил к ней работник, приносил хлеба, дров, иногда воды.

– Что, баба, скучно тебе без птиц-то?

– Скучно, батюшка, – кротко отвечала старуха.

Был тихий, летний вечер.

Спустивши ноги с печурки, Агафья сидела в своей бане. Последние золотистые лучи заходящего солнца врывались в крошечное окно... старуха опустила голову и задумалась: она вспомнила прежнее время. Свою молодость. Богатый птичий двор, маленькую графинюшку... Прошло так много дней, и скоро конец её жизни.

Вдруг за дверью ей послышались милые, знакомые звуки... кудахтанье, писк...

Глаза старой птичницы оживились, она проворно сползла с печки и торопливо вышла на улицу.

Смотрит – курица с цыплятами... Верно, гуляя, нечаянно забрела так далеко.

Не вытерпело любящее сердце, открыла бабушка Агафья дверь и зазывает к себе дорогих гостей, угощает их чем Бог послал: накрошила на пол хлеба, поставила чашку воды.

– Ах, милые!.. Ах, желанные!..

И она берёт каждого цыплёнка отдельно, плачет и целует их головки, ласкает их мать, говорит с ними и радуется. Как дитя.

Да, эта курица Чернушка, что в прошлом году с индейкой передралась, ещё крыло себе повредила. И старая Агафья так долго лечила её, берегла и лелеяла.

И думает старая Агафья (недаром говорят, старики детьми делаются), что курица её добро помнит и вот с цыплятами нарочно пришла навестить всеми забытую, одинокую женщину.



– Ну, ступайте, теперь, дорогие, ступайте. Я ведь рада вам, да только нельзя. Хватятся вас – меня бранить станут, – говорила старуха, – мне же достанется. Скажут, что нарочно вас повадила.

Бабушка Агафья ласково махала передником и проводила дорогих гостей до изгороди, а оттуда до птичьего двора, как говорится, рукой подать.

С тех пор курица с цыплятами стала часто захаживать в отдалённую баню. Старая Агафья всегда поджидала гостей, припасала им хлеба.

В её скучной, однообразной жизни это были радостные, счастливые минуты.

Пришла осень. Опали листья с деревьев, улетели птицы в тёплые края, природа приготовилась к зимнему отдыху. Люди в деревне принимались за новую, совсем не такую, как летом, работу: полевые работы кончались, зато много накопилось дела по дому и хозяйству.

Только бабушка Агафья по-прежнему лежала в бане, молилась про себя Богу, скучала, худела и старилась. Курица Чернушка больше не навещала её.

В один из хороших ясных осенних дней дверь в баню Агафьи отворилась и вошёл Семён Петрович.

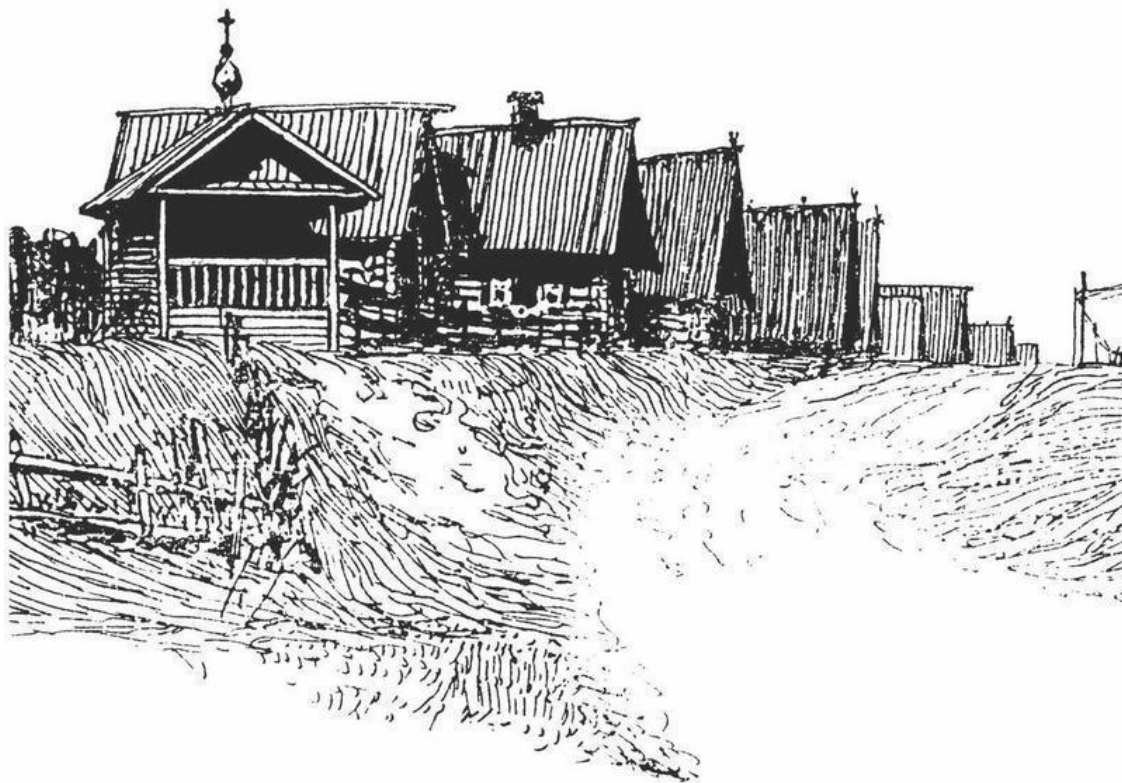
– Ну, старуха! Полно тебе на печи лежать. Вставай, принимайся-ка за дело. От господ письмо получил, приказали тебе опять за птицей ходить. Нынче ведь у Марьи почти вся птица пропала. Ну, я и написал, что ты это дело лучше знаешь.

– Господи! Услышал Ты мою грешную молитву... Сударь мой, Семён Петрович, спасибо тебе на добром слове. Я ведь душевно птицу-то жалею... Что и говорить, всю жизнь около них... Вот мне радость какая! Теперь и умру спокойно... – старуха плакала, радовалась, суе-тилась, разговаривала. Достала она свой заветный узелок и пошла вслед за Семёном Петровичем, пошла опять в свою каморку, чтобы среди милых сердцу, среди любимого дела дожить свой век.





П. Мироносицкий Лепта



Шашины и Дёмины жили недалеко от школы, на другой стороне улицы.

Изба Шашиных стояла как раз против школы, из окна в окно. Это была большая изба, устроенная по-богачу: три окна на улицу, крыльцо и наличники на окнах с резьбой, а под коньком – звезда с блёстками из белой жести. Шашиных все считали богатыми.

Дёмины жили рядом, – направо, если глядеть из школы. У них изба была много старше и хуже, – по правде сказать, совсем плохая избёнка: низенькая, покрыта соломой; стёкла в окнах помутнели от времени, крыльца нет да нет и калитки, – ход прямо в ворота.

Избой Дёминых оканчивался «порядок». Дальше был овраг и через него мост, соединяющий два конца села. Но ниже моста, чуть не на самом дне оврага, приютилась ещё избушка безродной вдовы, бабушки Власьевны, – ветхая, наклонившаяся вперёд избушка с двумя крошечными окошечками, смотрящими прямо под мост, и с большой подпоркой, приставленной к передней стене, повыше окон. Не будь этой подпорки, давно бы, кажется, избушка свалилась в овраг, или унесло бы её полой водою. Но – подите же – бабушка Власьевна любила свою тесную и тёмную келью. Перед большими праздниками, когда крестьянки мыли и скоблили свои избы, бабушка отправлялась к священнику или к учительнице, выпрашивала у них газетной бумаги и украшала ею передний угол. Тогда ей казалось, что келейка становилась и светлее, и просторнее.

Петя Шашин и Денис Дёмин были ровесники и товарищи по отделению. Они жили согласно, как подобает соседям, – вместе играли на улице и в классе сидели на одной скамейке. Но настоящей дружбы между ними не было, не могли они сжиться душа в душу. Может быть, причина была в том, что Шашин был богатый, а Дёмин бедный.

Шашин приходил в избу к Дёмину, когда хотел или когда ему было нужно. Но Дёмин никогда не ходил к Шашину, и если тот звал его к себе, он отказывался, говоря: «Нет, я не смею!» Дёмин боялся родителей Шашина, от которых, как он слышал и видел, нередко доставалось и взрослым.

Зато Дёмин ходил к бабушке Власьевне и иногда у ней вечером учил свои уроки, потому что у ней было светлее: лампочка не дымила и не висела, как у них дома, под самым потолком, а стояла на столике. Шашин, напротив, не ходил в келейку Власьевны. «Мне мать не велит, – говорил он Дёмину. – Она говорит: чего ты позабыл у нищенки?»

Да, присмотревшись, во многом можно было видеть разницу между двумя учениками. Шашин был своенравный мальчик; в играх он всегда распоряжался и любил, чтобы всё выходило так, как ему хотелось. Дёмин же был уступчив и никогда не спорил с Шашиним, а уступал ему: так старший брат, балуя младшего, покоряется прихотям.

В школе различие между ними было ещё виднее. Шашин приходил в школу обыкновенно после всех; мать не пускала его без горячего завтрака, она говорила: «Успеешь и после звонка перебежать через улицу». Кроме того, Шашин часто опускал уроки, – то по лени, то просто по прихоти матери.



Дёмин, напротив, приходил в школу первым, чтобы до начала занятий повторить уроки, которые ему дома не всегда удавалось выучить. Правда, и у него бывали пропуски уроков: вдруг утром отец пошлёт куда-нибудь или засадит за работу дома – поневоле пропустишь два или три урока. Но такие случаи были для Дёмина большим горем.



Дёмин был дружен со всеми учениками: ни на него, ни от него не было жалоб учительнице. А Шашин чуть не каждый день приходил в комнату учительницы в слезах и с жалобами на товарищей: то не принимают играть, то шапку у него спрятали, то чернила пролили – конца нет обидам и жалобам. Учительница заступалась за него, но иногда говорила ему, что он сам виноват, что его не любят товарищи. В таких случаях он бежал домой жаловаться матери, которая, приводя его обратно в школу, кричала на учеников и говорила неприятности учительнице.

Шашин и Дёмин учились одинаково. Но учительницы больше любили Дёмина, потому что он был бедный, очень бедный мальчик.

Учительница Вера Ивановна окончила свой утренний чай, встала и подошла к окошку. Она любила смотреть, как с разных концов села сходятся к школе ученики и ученицы.

На дворе стоял март. В восемь часов солнце поднялось уже высоко над избами и било лучам и в школьные окна. Сильно пригревало. Замёрзшие за ночь лужи начали оттаивать, и маленький ручеек снеговой воды уже побежал, сверкая, по улице, вниз к оврагу.

Петя Шашин, в первый раз в эту весну, открыл окошко и высунул наружу свою курчавую белокурую головку. Он думал о том, как хорошо будет после ученья запрудить здесь, на улице, пруд, завалив плотину снегом и навозом. Выбирая место поудобнее, он смотрел вверх по улице и поворачивал голову всё вправо...

Слева, с другой стороны оврага, шёл по мосту старик-нищий (в ту зиму много ходило по деревням нищих, потому что везде был голод). Увидав открытое окно у Шашиных, старик вдруг заторопился. Он сообразил, что ему выгоднее получить милостыню из окна, чем подниматься на крыльцо и потом отворить и затворить три двери. Минувя избу Дёминых, он прямо направился к открытому окну и, не дойдя шагов пять, взял палку из правой руки в левую, снял шапку и занёс руку над головою, чтобы перекреститься. Петя услышал его шаги, обернулся влево и, когда увидел нищего, быстро, как бы испугавшись, спрятался, захлопнув окошко.

Вера Ивановна видела, как нищий вместо того, чтобы перекреститься, провёл рукою по своей обнажённой плешивой голове, надел шапку, поправил суму, как будто она неловко сидела у него за спиною, взял палку опять в правую руку, крепко опираясь на неё, пошёл к следующему дому...



В это же время вышел из своих ворот Дёмин. Белая сумка виднелась у него под мышкой. Вере Ивановне приятно было видеть, что он такой исправный, что так хорошо знает своё время. Но, к удивлению своему, она увидела, что Дёмин направлялся не к школе. Дойдя до середины улицы, он повернул влево, на мост, оглянулся, посмотрел на школу долгим взглядом и пошёл в сторону оврага. Скоро его уже не видно стало за постройками.

Учительница огорчилась. «Какой нехороший у него отец, – думала она, отходя от окошка, – всегда у него утром находится дело! Вот опять угнал куда-то мальчишку!» И она уже решила сходить к мужику сейчас же, сказать, что так нельзя делать, что мальчику трудно наверстать пропущенные уроки. . . Но тут же она вспомнила, что время ещё раннее, может быть, Дёмин ушёл недалеко, может быть, его послали за мукою на мельницу, – тогда он возвратится к началу уроков.

Этими предположениями она себя успокоила и села за свою работу.

В дверь постучали.

– К вам можно, Вера Ивановна?

Вера Ивановна узнала голос и ответила:

– Пожалуйста, батюшка! Можно!

И потом, здороваясь с вошедшим священником, она прибавила:

– Вы что-то сегодня пораньше обыкновенного?

Батюшка взглянул на стенные часы, которые показывали без десяти девять, и сказал:

– Нужно поговорить с вами. Вот посмотрите, в чём дело!

Он взял из книги, которую принёс с собою, большой почтовый пакет с изломанной печатью и, вынув из него бумагу, подал его учительнице.

Вера Ивановна развернула бумагу и прочитала такое заглавие: «Лист для записи пожертвований в пользу голодающих школьников». Повыше этого заглавия на углу бумаги было написано карандашом: «Предложить попечителям, прихожанам, учащим и учащимся».

– Я с удовольствием пожертвую на это, – сказала Вера Ивановна, но как же вот тут написано: «учащимся»?

– Вот в том-то и дело! – отозвался батюшка. – Предлагать им или нет? Вот я и хотел с вами посоветоваться.

– Может быть, тут разумеются городские ученики, – те, действительно, могут пожертвовать. А ведь наши-то многие сами нуждаются. Вот хоть бы Дёмин. . .



– Да, да! – сказал батюшка. – Демины ужасно бедствуют. Вы слышали? На днях у них пала лошадёнка... Нашему Дёмину непременно надо оказать пособие... Хоть печёным хлебом...

Дежурный ученик притворил дверь в комнату учительницы, просунул одну голову и, посмотрев на часы, спросил:

– Звонить, Вера Ивановна?

– Звони, – сказала Вера Ивановна и потом прибавила: – А все ли ныне в классе?

– Все, – ответил мальчик, – только нет одного Дёмина.

– Ну, хорошо! Ступай, звони!

Раздался звонок, и после шума в школьной комнате стало тихо, все уселись по местам.

– Так что же делать с учащимися? Вы так мне ничего не посоветовали, Вера Ивановна, – сказал батюшка, вкладывая в книгу подписной лист, куда учительница записала своё пожертвование. – Я, знаете, всё-таки думаю, что не мешает сделать к ним маленькое воззвание. Полезно с малых лет приучать их к милосердию. И я думаю: зачем собирать пожертвования непременно деньгами. Пусть принесут хоть по куску хлеба: соберём и отдадим своим голодающим. В добрый час! Пожелайте успеха! – закончил он, улыбаясь, и, взяв книгу, пошёл на свой урок.

Через час, отворив дверь, он подал Вере Ивановне лист и сказал:

– Вот посмотрите, каков успех! До завтра, Вера Ивановна! Мне некогда, – ждут.

Вера Ивановна посмотрела на лист и пониже своей подписи прочитала: «Ученик Пётр Шашин – 1 коп.» Потом следовало ещё несколько фамилий. Но Вера Ивановна не читала их. Подпись Шашина заставила её задуматься. То, что она видела сегодня утром, не мирилось с этой копеей...

Вдруг отворилась дверь и вошёл Шашин. Он остановился у порога и сказал:

– Вера Ивановна, вы вчера мне не сдали копейку с гривны (я купил у вас карандаш). Отдайте её батюшке, там у него записано...

– Хорошо, хорошо, – сказала Вера Ивановна, а сама не сводила с него своих задумчивых глаз, как будто на его лице она хотела найти ответ на то, что заставило её задуматься.

У него мягкие, белокурые, вьющиеся на висках волосы. Мать каждый день мажет их ему маслом и старательно расчёсывает на две стороны, с прямым пробором посередине... Он не хочет стричься, как все другие... Из-за этого были слёзы, приходила мать, много шумела...

Какие у него лукавые, да, лукавые глаза! Он никогда не взглянет на вас прямо, а если взглянет, то как бы взглядом этим хочет сказать: «Вы хотите в глазах увидеть мою душу, но вот смотрите: глазами-то я её от вас закрою!»

Вера Ивановна, так думая, всё смотрела на него, а он не хотел взглянуть на неё. Он не уходил и всё переминался с ноги на ногу, как будто у него осталось что-то недосказанное, как будто он не желал, чтобы разговор окончился только этим.

И вдруг страшная мысль пришла ей в голову. Бедный мальчик! Он ждёт её похвалы! Он затем и пришёл к ней, чтобы сказать о своём пожертвовании, он боится, что его доброе дело останется незамеченным ею.

Она хотела встать, подойти к нему, взять его за голову, взглянуть глубоко-глубоко в эти глазёнки и сказать ему тихонько: «Петя, почему ты утром не подал кусочка нищему?»

Но она не сделала этого. Ей стало вдруг жаль мальчика. И она повторила свои слова:

– Хорошо, милый, я передам батюшке твою копейку!

Шашин опять не уходил. Теперь было несомненно, что он хочет сказать ей что-то.

Он опустил голову, как бы от смущения и, улыбаясь, как будто он хотел помочь себе этой улыбкой, проговорил:

– Вера Ивановна! Дёмина нынче нет в классе!

– Я это знаю, – сказала Вера Ивановна, недоумевая, зачем он заговорил о Дёмине.

Но он не слышал её слов или не хотел их слушать, как будто заранее зная, что она их скажет. Всё так же улыбаясь и растягивая слова, он продолжал:

– Его... отец послала собирать... милостыню. Вера Ивановна вдруг встала со своего места.

– Нет, нет! – громко, как бы перебивая Шашина, сказала она. – Ты ошибся, он пошёл за мукой на мельницу.

Но она чувствовала, что Шашин сказал правду. Только зачем он говорит ей об этом? И почему он узнал это прежде всех? И к чему он так улыбается?

– А ему сты-ыдно! – продолжал Шашин. – Он по своему-то селу не пошёл, – ушёл в деревню.

– Хорошо, хорошо! Иди. Иди же в класс! – повышая голос, сказала Вера Ивановна.

Она и сама поспешила на урок. Но в этот час ей было не по себе. Ей представлялся Дёмин, просящий милостыню, и это не давало ей покою. И только одно её утешало, то, что его не было на первом уроке, когда батюшка говорил о голодающих и о нищих.

К третьему уроку явился Дёмин... Не все ещё в классе знали, где он провёл это утро.

Но он тотчас расспросил товарищей, о чём сегодня беседовал батюшка на уроке Закона Божия и что он задал на завтра.

Вечером того же дня, лишь только засветились огни по избам, Дёмин пришёл в келейку бабушки Власевны и, помолившись на иконы, сказал:

– Здорово, бабушка!

– Здравствуй, касатик! Ты что же без книжек? Аль не урок учить пришёл?

Дёмин, казалось, немного смутился, но потом, оправившись, сказал:

– Нет, мне только выучить бы по Евангелию. А ведь оно у тебя есть, бабушка.

– Ну, ну, достань, почитай, что вам нынче задали, а я послушаю.

Дёмин достал из под образов закоптевшую книгу, долго искал заданное на завтра место, переложил на него розовую ситцевую закладку и стал читать протяжным голосом:

– «Возрев же, виде вметающиеся в сокровищное хранилище дары своя богатыря»... Слышишь, бабушка: богатые люди впускали в кружку много денег...

– Да, да, родимый, я слышу. Читай!

– «Видев же некую вдовицу убогу вметающему ту две лепте». Две лепты, ведь это, значит, две копейки?

– Да, родимый, да, – две денежки!

– «И рече: воистину глаголю вам, яко вдовица сия убогая множае всех верже». Видишь: положила две денежки, а вышло-то, говорит больше всех!

Бабушка вздохнула. А Дёмин продолжал читать:

– «Вси бо от избытка своего ввергоша, сия же от лишения своего, все житие, еже им, верже». Ты что же уже плачешь, бабушка?

– Ох, да, кормилец, взгрустнулось... О Паше я вспомнила.

Дёмин знал, что ни одного дня не проходит у старушки без слёз о Паше, её единственной дочке, давно умершей и на всю жизнь поразившей её неисходным горем.

– Ты вот последний-то стих и не слыхала, – сказал мальчик, стараясь отвлечь бабушку от мыслей о Паше.

– Нет, слыхала, – сказала она, отирая слёзы. – Как не слышать: доходна до Бога всякая жертва... Послушай, – прибавила она, – что я про себя расскажу тебе.

Дёмин стал слушать, подпёрши подбородок обеими руками и впиваясь в рассказчицу своими блестящими глазами.

– Вот как умерла она, прошло уже недели две, а я всё плачу: и работаю – плачу, и без дела сижу – плачу. Сижу раз на дворе, у сеней на приступочке, и такая тоска на меня напала, не знаю, куда бы деться! Летом это было. Цыплятёшки ко мне подбежали – три цыплёнка было чиликают, есть просят. Взяла я хлебца в чулане и стала крошить да кидать им на приступок, кидаяю, а сама плачу. И думаю: «Господи, хоть бы во сне Ты мне её показал, Кормилец!?!» Подумала я этак-то. Вдруг вижу, идёт в калитку женщина, – чужая чья-то, с девочкой, подошла и говорит: «Поддай, тётенька, погорельцам, что Бог послал». Подумала я, подумала: что мне подать ей? Да и догадалась: поймала одного цыплёнка и дала в руки девочке: «Нате, говорю, милая, помяните за упокой мою Пашеньку!» Ушли они. Я и позабыла уж об этом. И вот, месяцы ли, два ли прошло, и вижу я сон. Иду будто я где-то: не то улицей, не то сенями какими-то, длинное этакое строение и конца ему не видать, а по бокам всё двери и окошки. Шла, шла и вдруг стало мне страшно: ни одной-то тут души человеческой... «Батюшки мои, думаю, куда это я зашла, надо назад повернуть». Повернулась, а сзади меня такой же конец из виду ушёл. И не соображу я, как вошла-то я сюда, хоть бы выйти на волю... Пошла опять вперёд – и вдруг, откуда ни возьмись, ровно как будто из-под ног у меня выскочил цыплёнок, серенькая молодочка, с мохнатыми ножками. Как сейчас гляжу! «Цык, цык!..» Бежит вперёд меня, словно дорогу показывает. Уж я рада-рада. «Слава Тебе, Господи, – думаю, – знать, и здесь живут люди». Думаю этак да всё за молодкой-то чуть не бегом: бойкая она такая, не поспеешь. Уж долго ли, нет ли я за ней гналась, но вот под одним окошком она вдруг остановилась: «Та-та! Та-та! Та-та!» Такой подняла разговор, словно была настоящая курица. Гляжу, что будет. Вдруг: щёлк! Окно открылось и из него выглянула... Господи, смотрю – Паша: весёлая такая, в красненьком платочке, в том самом... И говорит: «Мама, мама! Это ведь тебя моя молодочка довела! Помнишь, ты подала погорельцам»...

Дёмин заметил, как дрогнул у старухи подбородок, и как слёзы полились по её морщинистым щекам неудержимыми струями. Он не знал, от горя ли она плачет или от радости, что увидела дочку, но ему и самому стало до слёз грустно, глядя на неё... Долго оба молчали. Наконец, она, наплакавшись досыта, умолкла, отёрла рукавами слёзы, вздохнула и устремила пред собою неподвижный взгляд своих потухших старческих глаз. Тогда Дёмин встал из-за стола и сказал, ласкаясь к ней:

– Бабушка, ты знаешь, зачем я к тебе пришёл-то?

– Нет, не знаю, сыночек, кто тебя знает?

– Тебе Вера Ивановна дала к Пасхе бумаги большой лист... Ты мне показывала... вон на полочке... Бабушка, дай мне его! Я за него тебе, сколько хочешь, дров нарублю! Ты у Веры Ивановны ещё спросишь, а я не смею.

– Возьми, возьми! Да только зачем тебе? Уж не змейку ли с Петяркой задумали клеить: чай, рано?

– Нет, бабушка, не змейку... У меня пыльщики давно просили: им на сигарки курить. И обещали копейку А мне надо теперь.

– Ну, ладно! Жаль мне трубокурам-то, да уж для тебя что делать, возьми! Достань вон!

– Я завтра же, бабушка, нарублю...

– Ну, нарубишь...

Дёмин положил Евангелие на прежнее место, достал с полки газетный лист, свернул в трубочку, положил его за пазуху и, словно охваченный нетерпением, вышел, простившись с бабушкой.

На другой день батюшка опять пришёл на свой урок несколько раньше и сидел в комнате Веры Ивановны. Они совещались о том, как бы помочь Дёмину, потому что стало уже положительно известно, что он ходит собирать милостыню. Решили позвать его отца и предложить ему, не согласится ли он получать ежемесячно 1 пуд и 10 фунтов муки на прокормление мальчика, с условием не посылать его ходить с сумою по окнам.

Кстати, Вера Ивановна передала батюшке копейку, записанную вчера Шашиным.

Батюшка встал и хотел идти в класс, но в это самое время в комнату вошёл дежурный и сказал:

– Вера Ивановна! Шашин что-то плачет. Стоит около вашей двери и плачет. Не знай что!

– Ну, вот, давно его не обижали, пора! – сказала Вера Ивановна, предполагая, что Шашин хочет на кого-нибудь пожаловаться. Позови его сюда!

Шашин вошёл и стал у двери, растирая кулаками заплаканные глаза.

– Что с тобою? – спросила Вера Ивановна. – Кто тебя? Что плачешь?

– О-отдайте мою копейку-у! – проговорил Шашин сквозь слёзы и всхлипывания.

– Ах, Боже мой! – воскликнула Вера Ивановна. – Да я уж отдала! Ведь я сказала тебе, что отдам, и отдала. Спроси вот батюшку, сейчас ему отдала. Вот какой ты глупый.

– Меня тятя за неё побил... – продолжал мальчик. – Ишь, говорит, выдумщики... выдумают...

– А! – сказал батюшка. – Так он её назад просит! Вот, вот она. Получи, успокойся!

Он вынул из кармана копейку и отдал её Шашину.

– Ах, ты!.. Благодетель! – ласково прибавил он, поворачивая мальчика лицом к двери и сам выходя за ним из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.